

РАЗНЫЕ ИСТОРИИ, РАЗНЫЕ СУДЬБЫ И ОДНО
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЕПЛО.

Тепло Нашего Пассажира

ПОВЕСТЬ

КСЕНИЯ ФЛОС

Ксения Флос

Тепло нашего пассажира

«Автор»

2026

Флос К.

Тепло нашего пассажира / К. Флос — «Автор», 2026

Война лишила их всего: домов, семей и надежды. В каждой истории здесь есть свой "теплый пассажир" — человек, который приносит раненым солдатам заботу и понимание. Среди боли, ампутаций и пустоты души именно это невидимое тепло заставляет их забыть о страданиях и снова поверить в жизнь.

© Флос К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1943 год. Ленинград.	5
1944 год. Ташкент	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Ксения Флос

Тепло нашего пассажира

1943 год. Ленинград.

Война задышалась, но продолжалась, вытягивая из людей последние жилы. На улицах города повсюду были тени детей. Исхудавшие, с серыми от копоти лицами и почти прозрачной кожей, они часами караулили у блокадных лавок. Дети стояли неподвижно, прижавшись к холодным стенам, и следили за каждым движением хлебных весов. Стоило продавцу отвернуться, чтобы поправить мешок или сделать запись в тетради, как тонкая детская рука мгновенно ныряла за прилавок – схватить хотя бы крошку, обронённый кусок или щепоть муки, чтобы дотянуть до завтра.

В госпиталях, на заводах, где по двенадцать часов точили боеприпасы, и в хлебных пунктах теперь стояли только женщины. Мужчин в городе почти не осталось – те, кто мог держать винтовку, давно ушли на фронт. Женщины таскали тяжелые ящики со снарядами, работали у станков в неотапливаемых цехах, где пальцы примерзали к металлу и дежурили у печей.

В палатах госпиталей круглосуточно пахло спиртом, гниющими бинтами и безнадёгой. Медсёстры, чьи халаты давно потемнели от несмываемой крови, выносили раненым приговор: «Воевать больше не сможешь».

После этих слов лица солдат менялись. Одни молча смотрели в потолок с горьким облегчением – для них война кончилась, впереди была надежда вернуться домой, к жене и детям, если те ещё живы. Другие, наоборот, до боли стискивали зубы, глядя на свои пустые рукава или забинтованные культы ног, которые еще вчера бежали по земле. В этих людях горела глухая ярость: месть за погибших товарищей и вера в победу были в них сильнее физической боли. Они требовали вернуть их в строй, не желая принимать свою инвалидность.

Сам город превратился в скелет. Заводы стояли с пробитыми крышами, фасады жилых домов осыпались, обнажая внутренности комнат с брошенной мебелью. По мостовым, среди груд битого кирпича и обрывков проводов, немецкий конвой вёл пленных. Немцы шли уверенно, поскрипывая кожей сапог, а за ними тянулась длинная вереница людей, связанных одной толстой веревкой. Пленные были чумазые, обтянутые кожей, со впавшими щеками, многие были избиты прикладами во время захвата.

Среди них выделялся мужчина лет сорока в остатках военной гимнастерки. Одна его рука была намертво привязана к общей цепи, а вторая представляла собой пустой рукав, заправленный за ремень. Эту руку ему отрубили палачи во время допросов в подвалах, но он всё равно держал спину прямо. Рядом с ним шла женщина. Физически она была цела, на ней не было видимых ран, но внутри нее была болезненная пустота. После того, что с ней делали фашисты в захваченном селе, она смотрела в никуда стеклянными глазами и едва переставляла ноги, не реагируя на окрики конвоиров.

Немцы не церемонились и не тратили время на уговоры. Тех, кто от усталости падал на колени, отказывался идти дальше в плен или пытался сопротивляться, расстреливали прямо на месте, у ближайшей стены здания.

– Я вам не сдамся! Лучше смерть! – кричали одни, выплевывая кровь на землю.

– В плен не пойду! Умру за Родину! – вторили другие, глядя прямо в дула автоматов.

Слышалась короткая сухая очередь, тела падали на камни, и слова обрывались. Конвой шёл дальше, даже не оглядываясь.

Были среди людей и те, кто шёл к врагу добровольно. Они выбирали службу у немцев, надеясь получить лишний паёк, теплую одежду и спасти свою шкуру. Они надевали повязки

на рукава и выполняли приказы захватчиков, стараясь не смотреть в глаза бывшим соседям. И таких людей называли – предателями. Ненависть к ним была порой сильнее, чем к самим немцам.

Нина Власова

Нина быстро шла вдоль бесконечных железнодорожных путей. Сапоги вязли в перемешанной с углем грязи, а в правой руке привычно оттягивал плечо тяжёлый дерматиновый чемодан. Внутри него, обложенные ватой и чистой ветошью, лежали медицинские инструменты: скальпели, зажимы, иглы. Каждый её шаг отзывался негромким металлическим лязгом стали о сталь. Над путями висел густой туман, смешанный с гарью от паровозов.

Нина смотрела на серые, покрытые копотью вагоны санитарного поезда и каждый раз, когда видела этот железный состав, начинала молиться. Она шептала слова едва слышно, чтобы не привлекать внимания прохожих, но с такой силой, будто от этого зависела жизнь всех, кто был внутри.

– Отче наш, иже еси на небесех... – её губы дрожали от холода. – Да святится имя Твое. Господи, отведи беду. Пусть в этот раз фашисты не заметят нас с воздуха, пусть бомбы упадут в поле, а гранаты пройдут стороной. Спаси нас, Господи, от этой жестокости, дай нам доехать. Аминь.

Вдалеке раздался натужный, хриплый гудок. Паровоз «Иосиф Сталин» тяжело выдохнул облако густого белого пара, которое окутало перрон.

– Нина! Нина, скорее, чёрт тебя дери! – из тамбура третьего вагона высунулась Галина, её коллега по госпиталю. Галина махала рукой, лицо её было серым от недосыпа. – Сейчас тронемся, останешься на путях!

Нина сорвалась на бег. Она бежала, придерживая левой рукой свою фуражку болотного цвета – та сидела на голове не очень плотно и норовила слететь от каждого резкого движения. На шее, поверх воротника шинели, был туго завязан красный платок с эмблемой Красного Креста – знак, который в теории должен был защищать их от обстрелов, но на деле лишь служил мишенью для врага. Нина добежала до подножки, Галина подхватила чемодан, и девушка буквально заскочила в вагон в ту самую секунду, когда колёса скрежетнули по рельсам и состав медленно, с трудом, сдвинулся с места.

Внутри вагона было так, как всегда: пахло смесью хлорки, спирта, дешёвого табака и тем самым тяжёлым, железным запахом крови и пота, который въедается в стены навсегда. Было очень холодно, изо рта шёл пар, а на стенах проступала сырость. Нина привыкла к этому. Она не жаловалась. Для неё этот вагон был и операционной, и домом, и местом, где решались судьбы.

Она пошла по проходу мимо коек. Раненые лежали плотными рядами. Кто-то стонал во сне, кто-то просто смотрел в потолок отсутствующим взглядом. Здесь были все: совсем юные мальчишки-солдаты, серьёзные майоры и седые генералы. Война стёрла звания – теперь они все были просто телами, завернутыми в серые бинты. У кого-то не было ног, у кого-то голова была замотана так, что оставались только узкие щелочки для глаз.

Вдруг она услышала шорох. Григорий, тот самый молодой мужчина двадцати пяти лет, которого она вытащила с того света неделю назад, приоткрыл глаза. Услышав знакомый стук её небольших каблучков, он сразу оживился. Взгляд его ещё плавал из-за лекарств и слабости, но когда он сфокусировался на Нине, по его лицу разлилась улыбка. Не та вымученная улыбка больного, а искренняя, светлая. И эти ямочки на щеках – они делали его похожим на ребенка, а не на фронтовика.

– Ниночка... – прохрипел он, пытаясь приподняться на локтях.

– Лежите, Григорий Александрович, – Нина быстро подошла к нему и мягко, но уверенно надавила ладонью на плечо, заставляя лечь обратно. – Вам силы нужны. Печень – орган капризный, швы еще свежие. Отдыхайте.

– Вот увидишь, – он перехватил её руку своей, горячей и сухой. – Женюсь я на тебе. Как только снимут эти повязки и разрешат встать – сразу под венец поведу.

Нина тихо хихикнула, чувствуя, как краснеют щеки. Она осторожно высвободила руку и пошла дальше по вагону. Она знала его историю наизусть, потому что в те длинные ночи, когда он бредил после операции, он шептал о своей жизни. Григорий попал к ним в тяжелом состоянии. Пуля из немецкой винтовки вошла в живот. Он потерял столько крови, что кожа его была цвета бумаги. Нина оперировала его прямо на ходу, когда поезд кидало на стыках рельсов. Она сама обрабатывала рану, сама аккуратно выуживала пулю щипцами, стараясь не задеть лишнего. Потом долгие часы зашивала, стежок за стежком, будто чинила дорожную ткань.

Пока он спал после операции, она не отходила от него. Промывала рану, меняла повязки. А когда он открыл глаза, первое, что он увидел – её. Нина всегда старалась выглядеть аккуратно: тёмно-русые волосы собраны в тугий пучок под косынкой, карие глаза смотрят с заботой, и даже губы – она всегда носила в кармане маленький тюбик красной помады. Она считала, что раненым важно видеть красоту, чтобы помнить, ради чего они возвращаются к жизни. Григорий тогда просто замер и не отрывал от неё глаз, будто увидел ангела.

Нина шла дальше, вспоминая их долгие разговоры в санитарном вагоне. К ней тянулись все. Солдаты, которые уже шли на поправку и готовились вернуться в строй или поехать домой по ранению, часто просили её просто посидеть рядом. Она не была великим оратором, но она умела слушать. Один рассказывал про жену и троих детей, которые остались в деревне под Смоленском, другой – про любимую собаку, третий просто плакал, уткнувшись ей в плечо, когда вспоминал гибель своего взвода. Нина молчала. Она понимала всё без слов. В этом холодном, пропахшем смертью вагоне, она стала самым уютным и «домашним» человеком.

Григорий делился с ней самым сокровенным. Он рассказывал о матери – сильной женщине, которая всю жизнь тянула его одна. Отец сбежал, как только узнал о беременности, испугался трудностей. Григорий рос с этой обидой в сердце, глядя, как мать разрывается на двух работах. Пока она была в цеху, за ним присматривала бабушка, но после её смерти Григорию пришлось повзрослеть мгновенно. В двенадцать лет он уже стоял у станка на заводе, приписав себе пару лишних лет, чтобы взяли. У него не было детства в привычном смысле – только работа и учеба. А в восемнадцать – армия. Два года службы пролетели быстро, он только успел вернуться домой, построить планы на будущее, как 22 июня всё рухнуло.

Он вспоминал тот день с горечью. Рассказывал Нине, как в газетах еще до войны мелькали заметки от журналистов, которые пытались предупредить: немцы у границ, они нападут. Называли даже даты, время. Но народ смеялся, называл это «ересью» и провокацией. Никто не верил в такое вероломство. А потом, когда в четыре утра небо над страной расцвело взрывами, все те, кто смеялся, кусали локти. Жалели, что не слушали, что не готовились. И вот теперь эта война шла уже три года, забирая лучших.

Нина зашла в служебное купе. Здесь было чуть тише. Она сняла фуражку, бережно положила её на полку. Развязала платок и перевязала его заново, закрепив узел на затылке. Волосы выбились из пучка, и она торопливо заправила их обратно. Сняла болотный пиджак, накинула белоснежный халат, который всегда держала в идеальной чистоте. Повесив пиджак на крючок у двери, она на секунду закрыла глаза, переводя дух.

Поезд начал замедлять ход. Скрежет тормозов отозвался во всем теле. За окном проплывали разбитые перроны Новгорода. Здесь была важная остановка. Часть тяжелых раненых нужно было передать в стационарный госпиталь, чтобы освободить места для новых – тех, кого подберут дальше по пути.

Мужчины-санитары начали выгрузку. Носилки с Григорием выносили одним из первых. Когда его уже почти спустили на перрон, где ждали машины, он вдруг приподнялся, преодолевая боль в боку, и закричал так громко, как только позволяли лёгкие:

– Нина! Я женюсь на тебе! Слышишь? Я обещаю!

Нина стояла в дверях вагона, прижимая руки к груди. Она смотрела, как его увозят, и на её губах играла та самая улыбка, которую он полюбил.

– Обязательно, – шепнула она самой себе.

Поезд дёрнулся, выпуская новую порцию пара. Впереди был длинный путь: Киров, потом Свердловск, а затем – обратная дорога за новыми порциями боли и надежды.

1944 год. Ташкент

Здесь не рвались снаряды и не выли сирены, война прошла где-то стороной, за горизонтом, но её дыхание всё равно чувствовалось в каждом доме. По всему Советскому Союзу, и в Узбекистане тоже, мужчин забирали на фронт – кого-то по доброй воле, кого-то по приказу, не спрашивая желаний. Но в тыловой Ташкент и окрестные кишлаки эшелоны привозили не только раненых, но и тысячи детей-сирот из Москвы, Ленинграда и других городов, зажатых в тиски блокады.

Детей принимали по всей Средней Азии: и казахи, и таджики, и туркмены, и киргизы открывали двери своих домов. Но в Узбекистан везли особенно много, и здесь каждая семья была готова приютить ребёнка, оставшегося без крова. В некоторых дворах уже росло по восемь своих детей, а то и больше, но когда на пороге появлялся исхудавший, бледный сирота из далёкого северного города, его принимали как родного. Узбекские семьи не делили детей на своих и чужих – они просто сажали их за общий дастархан и делили на всех одну горячую лепёшку и простую домашнюю еду.

Атмосфера в этих домах была живой и шумной. Взрослые часто готовили вместе с детьми, приучая их к труду и теплу очага. Те, кто был постарше – подростки лет двенадцати или четырнадцати, – быстро втягивались в жизнь кишлака. Они помогали взрослым пасти отары баранов и стада коров, выходили под палящее солнце на бескрайние поля, чтобы косить пшеницу, собирать картофель или хлопок. Конечно, это случалось не сразу – сначала дети долго молчали и дичились, но постепенно, чувствуя настоящую родительскую любовь и заботу, они начинали оттаивать и привыкать к новой жизни.

Местные жители, простые люди из кишлаков, старались учить русский язык, чтобы хоть как-то перемолвиться словом с приёмными сыновьями и дочерьми, хотя среди селян всегда находились те, кто знал русский достаточно хорошо. Сами дети тоже из любопытства потихоньку учили узбекские слова. Кто-то схватывал на лету и уже через пару месяцев бойко спрашивал на рынке: «Бу канча туради?¹» или «Каерга бориш керак?²». Другие учили медленнее, запинаясь на сложных звуках, но старались все, потому что это был язык их нового дома.

Узбекский народ жил своими традициями и верой. Каждую весну, когда природа просыпалась, в больших котлах всей махаллэй варили сумалёк – сладкую кашу из проросшей пшеницы, которую нужно было помешивать всю ночь. В начале года держали пост в месяц Рамадан, а потом праздновали Хайит. Сначала детям из городов всё это казалось странным и трудным, но со временем они принимали эти обычаи как свои собственные. Маленькие дети, которые быстро забывали ужасы войны, начинали называть своих новых родителей «ая» и «дада» или по-русски – папой и мамой. Им было неважно, сколько лет их новым родителям и как они выглядят, пусть даже это были совсем старые люди, главное – что теперь у них была семья, защита и тёплый кров.

Тимур Азизов

Тимур лежал на твёрдой пружинистой кровати и сквозь полузабытьё чувствовал каждую вибрацию состава, слышал натужный гул поезда и какое-то странное шевеление прямо под своей койкой. К этому шуму примешался ещё один – дробный, чёткий звук каблучков, которые приближались к нему по дощатому полу вагона. Кто-то остановился рядом, и Тимур почувствовал, как чьи-то руки аккуратно поправляют его одеяло, затыкая края. Он с трудом заставил себя открыть глаза и обвел пространство медленным, тяжелым взглядом. В нос сразу ударила резкая волна запахов: спирт, хлорка и два уловимый шлейф женских духов. Когда туман перед глазами немного рассеялся, взгляд Тимура замер на собственной ноге – она была неподвижной, тяжёлой и полностью забинтованной в белый гипс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.